

*Посвящается Мануэлю,
моему брату*

Ярко-желтый оттенок вбирает солнечный свет, переходит в оранжевый и потом растворяется в рубиново-красном, где похожий на рану разрез открывает взору маленькие зернышки фиолетового глянца. Я не отвожу глаз от этого граната уже несколько часов. Он — всего лишь деталь, но служит ключом ко всей фреске.

Ее сюжет — похищение Прозерпины¹. Тот момент, когда мрачный властитель преисподней Плутон, облаченный в пурпурное облако своих одежд, с силой схватил богиню, собирающую крупные гранаты на берегу озера, за чресла.

Фреска не подписана — имя автора окутано тайной. Знаю только, что он жил в начале XVII века и, судя по стилю письма, цветовым фрагментам и деликатной игре света и тени, был настоящим гением. Каждый мазок нанесен безукоризненно, а моя задача — не испортить усилия художника в достижении совершенства, понять его творчество и передать в своей работе.

Это первая реставрация, над которой я работаю самостоятельно. В 29 лет такая работа — огромная

¹Прозерпина (лат. Proserpina) — в древнеримской мифологии богиня подземного царства, соответствующая древнегреческой Персефоне, дочь Юпитера и Цереры, племянница и супруга Плутона.

ответственность, и я горжусь ею. Ждала подобного шанса с тех пор, как закончила школу реставраторов, и теперь, когда удача улыбнулась мне, сделаю все, чтобы оправдать ее.

Вот поэтому я сижу уже несколько часов подряд на стремянке в белом клеенчатом комбинезоне и красной бандане, удерживающей темное каре волос

Моя задача — не испортить
усилия художника
в достижении совершенства,
понять его творчество
и передать в своей работе.

(но отдельные прядки все же выбиваются и падают на глаза), и неподвижно смотрю на стену. К счастью, вокруг нет зеркал, потому что наверняка на моем лице заметны следы усталости и круги

под глазами. Не важно — это доказательства моего упрямства.

В какой-то момент смотрю на себя со стороны: вот я, Элена Вольпе, одна-одинешенька в огромном парадном холле античного и давно необитаемого палаццо¹, в самом сердце Венеции. И именно здесь я хочу находиться.

Всю неделю я отчищала фон фрески и сегодня впервые попробую цвет. Неделя — это много, наверное, даже слишком, но я не хотела рисковать. Продвигаться нужно с максимальной осторожностью, потому что одно неправильное движение может испортить всю работу. Как говорил один мой преподаватель: «Если хорошо зачистишь, то половина работы сделана».

¹П а л а ц ц о (лат. palatium — дворец) — итальянский городской дворец-особняк XV–XVIII вв.

Отдельные части фрески полностью разрушены, и мне ничего не остается, как заново заштукатурить их. Сказывается вездесущая влажность Венеции, проникающая даже в гранит, кирпичи и древесину. Но вокруг поврежденных фрагментов есть и другие, где цвета сохранили свою яркость.

Сегодня утром, взбираясь на стремянку, я сказала себе: «Ни за что не сойду вниз, пока не подберу тон для этого граната». Теперь понимаю, что, возможно, была слишком оптимистична... Не представляю, сколько времени я уже пробую всю палитру красных, желтых и оранжевых цветов без какого-либо удовлетворительного результата. Восемь емкостей, в которых разводила пигментную крошку с небольшим количеством воды и капелькой оливкового масла для придания консистенции, я уже выбросила. И начав разводить краску в девятой чашечке, услышала звонок. Он исходил из кармана моего комбинезона. Увы! Игнорировать зов мобильного было бесполезно. Чуть не свалившись с лестницы, я схватила телефон и прочитала имя, которое мигало на дисплее.

Это Гайя, моя лучшая подруга.

— Эле, как дела? Я на площади Санта-Маргарита. Приходи, выпьем что-нибудь в «Иль Россо»!¹ Сегодня здесь больше народа, чем обычно, и это просто здорово! Быстрее приходи! — Она говорит на одном дыхании, даже не спросив, удобно

Вездесущая влажность Венеции проникает даже в гранит, кирпичи и древесину.

¹Il rosso (*итал.*) — красный.

ли мне разговаривать, и не давая мне возможности ответить.

В этом вся Гайя. Она организует концерты и VIP-вечеринки в самых модных заведениях города и всего региона Венето¹. Работа начинается с четырех часов пополудни и продолжается до поздней ночи. Она любит светские тусовки, и для нее они не просто работа — это призвание: готова поспорить, что она работала бы даже бесплатно.

— Слушай, а сколько времени? — спрашиваю я, пытаюсь остановить поток ее слов.

— Полседьмого. Ну, ты идешь?

Боже мой, так поздно?! Время пролетело совсем незаметно.

— Эй, Эле, ты здесь? Все хорошо? Скажи же что-нибудь! — кричит Гайя, и ее голос врезается мне в барабанные перепонки. — Ты совсем уже с ума сошла с этой своей фреской. Приезжай сюда, немедленно! Это приказ!

«Иль Россо» — это бар, где встречаются молодые венецианские бездельники, тот тип людей, которым нужны такие, как Гайя, чтобы понять, как провести вечер.

— Гайя, через полчаса я закончу, обещаю, — делаю глубокий вздох — ...но пойду домой. Не злись, пожалуйста.

— Да не злюсь, конечно, сволочь ты, вот и все! — фыркает она.

Так всегда. Это наша обычная ролевая игра, через две секунды она опять будет спокойной и счастливой. К счастью, мои отказы она быстро забывает.

¹Венето (*итал.* Veneto) — один из административных регионов Италии, на северо-востоке страны.

— Слушай, можешь идти домой, отдохнуть, а позже пойдём в «Пятый Молл», у меня два приглашения в клуб «Прайв»...

— Спасибо за беспокойство, но я совсем не хочу лезть в этот ад, — быстро отвечаю я, прежде чем она продолжит. А ведь она прекрасно знает, что я ненавижу толпу, что почти не пью, а танцы для меня сводятся, в лучшем случае, к притопыванию ногой в такт (причем такт этот я отбиваю по-своему). Все эти развлечения — не для меня, я постоянно стесняюсь и чувствую себя не в своей тарелке. Но Гайя не сдаётся, каждый раз пытаюсь затащить меня на одну из своих вечеринок. На самом деле, хотя я никогда в этом не признаюсь, я благодарна ей за эти попытки.

— Ну что, ты уже закончила работать? — спрашиваю я, пытаюсь отвести разговор от опасных тем.

— Ага, сегодня мне просто повезло, я сопровождала одну русскую бизнес-леди. Мы три часа рассматривали в «Bottega Veneta» сумки и кожаные сапоги, а потом я привела ее в «Valbi» и там наконец мадам решила купить две вазы из муранского стекла. Между прочим, в «Alberta Ferretti» я видела несколько платьев их новой коллекции — ну просто как на тебя сшиты! Бежевого цвета, он будет потрясающе смотреться с шоколадным оттенком твоих волос... Как-нибудь зайдём, и ты их примеришь!

Когда она не занята тем, чтобы указывать людям, что делать по вечерам, Гайя объясняет им, как тратить деньги, она своего рода консультант по шопингу. Это тот тип женщин, у которых обо всем есть свое

мнение и большие способности к убеждению других. Настолько большие, что даже находятся желающие заплатить, чтобы дать себя убедить в чем-нибудь. Однако на меня ее способности не действуют — за двадцать три года дружбы я выработала иммунитет.

— Конечно, сходим. Правда, кончится все тем, что ты, как обычно, купишь их себе.

— Но рано или поздно мне удастся прилично тебя приодеть. Учти, я с тобой еще не закончила!

Гайя борется с моим, скажем так, небрежным стилем в одежде со времен нашего подросткового возраста. Для нее джинсы и туфли без каблуков вовсе не являются удобной альтернативой прочим нарядам. Она полагает, что такого выбора можно лишь стыдиться. По мнению Гайи, я должна ходить каждый

Гайя любит повторять изречение Коко Шанель:

«Надо всегда быть элегантно́й, каждый день, потому что судьба может ожидать вас за углом».

день на работу в мини-юбке и на высоченных каблуках. И не важно, что я по несколько раз в день забираюсь вверх по стремянке и часами нахожусь в позе, которую и без того сложно назвать комфортной. «Если бы у меня были твои ноги...» —

все время твердит она. И еще каждый раз повторяет изречение Коко Шанель: «Надо всегда быть элегантно́й, каждый день, потому что судьба может ожидать вас за углом». Сама Гайя ни за что не выйдет из дома, пока не накрутится, не нарядится и не уложит волосы.

Порой я удивляюсь, насколько мы не похожи друг на друга; и если бы Гайя не была моей лучшей подругой, я бы, наверное, ее не переносила.

– Ну ладно, Эле, – возвращается она к излюбленной теме как ни в чем не бывало, – сегодня вечером ты должна обязательно прийти в «Молл».

– Гайя, не обижайся. Но я тебе уже сказала, что не могу! – Когда она так настойчива, мне это действует на нервы.

– Ну там же будет Боб Синклэр!

– Кто это? – спрашиваю, и у меня на лбу загорается надпись: «ФАЙЛ НЕ НАЙДЕН».

Гайя с отчаянием вздыхает.

– Ну, это французский диджей, он знаменитый. Он был в жюри Венецианского кинофестиваля на прошлой неделе...

– Тогда понятно!

– А еще, – продолжает она, – проверенные источники сообщили мне, что сегодня вечером в «Прайв» будут разные знаменитости, в том числе и... слушай внимательно, – она делает театральную паузу, – Самуэль Белотти!

– Нет! Велосипедист из Падуи? – охаю я в отчаянии, абсолютно неодобрительным тоном.

Это один из «знаменитых» поклонников Гайи, которых она во множестве оставила на своем пути по всей Италии и даже по миру.

– Именно он!

– Я вообще не понимаю, что ты в нем нашла: это самоуверенный кретин, и что в нем эдакого потрясающего?

На мужчин у нас с Гайей тоже разные вкусы.

– Ну, я-то знаю, что у него потрясающее, – хихикает она.

– Ой, ладно, ну а что дальше?

— Я ему написала эсэмэску. Он пока не ответил, потому что сейчас у него какая-то модель, — вздыхает она, — правда, и не отшил меня окончательно, так что я не сдаюсь... Думаю, он просто тянет время.

— Не знаю, где ты вообще таких типов находишь, и знать не желаю!

— Работа, дорогая. Просто работа, — отвечает она мне, а я прекрасно представляю двусмысленную улыбку на ее лице в этот момент. — Связи с общественностью, как известно, очень тяжелый труд.

— Слова «труд» и «работа» в твоих устах приобретают совсем иное значение, — пытаюсь провоцировать ее, скрывая легкую зависть. Признаю, я согласилась бы хоть в этом походить на нее. Я слишком

Я слишком правильная и ответственная, а она — олицетворение легкости и дерзкой беззаботности.

правильная и ответственная, а она — олицетворение легкости и дерзкой беззаботности.

— Эле, ты меня не ценишь. Моя лучшая подружка меня не ценит! — смеется Гайя.

— Ладно, слушай, иди в «Молл», развлекайся. И смотри не перетрудишься, дорогая!

— Вот ты всегда отказываешься! Но я не отстану и все равно буду надоедать тебе, сама знаешь. Я не сдамся, дорогая...

И я прекрасно понимаю, что такой маленький театр — просто наш способ сказать, как мы друг друга любим.

— Сейчас и правда очень неудачный момент: я не могу гулять допоздна, иначе завтра просто не проснусь утром.

— Ну, хорошо, на сей раз я дам тебе выиграть.

Наконец-то!

– Но пообещай мне, – продолжает она, – в эти выходные мы увидимся!

– Клянусь. С субботы я вся твоя!

* * *

Девятую емкость с раствором красного тичиановского оттенка тоже можно выбросить: я поднесла фрагмент цвета к кожуре граната – даже близко не подходит. И я смиряюсь с тем, что придется начинать все сначала, но меня отвлекает шум за спиной. Кто-то зашел с центрального входа и поднимается по мраморной лестнице. Это явно мужские шаги, но был момент, когда я вздрогнула при мысли о том, что это Гайя решила устроить сюрприз. Я слезаю со стремянки, стараясь не споткнуться о чашечки с краской, которые валяются вперемешку на защитном полотне, закрывающем пол.

Входная дверь открылась, и на пороге возникла щуплая фигура Якопо Брандолини – владельца палаццо и моего заказчика.

– Добрый вечер, – здороваюсь с натянутой улыбкой.

– Добрый вечер, Елена, – улыбается он в ответ. – Как продвигается работа? – Он опускает глаза на разбросанные чашки с раствором, повязывая рукава накинутого на плечи свитера (наверняка он из кашемира).

– Очень хорошо, – вру и сама удивляюсь своей непосредственности, но у меня нет желания объяснять ему детали, которые он все равно не поймет. (И надо бы добавить что-то сугубо профессиональ-